

ЗАСЛОН

Литрес

Все мы немного травя

Оксана Заугольная

Оксана Олеговна Заугольная

Все мы немного трава

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70606582

SelfPub; 2024

Аннотация

В элитной школе произошло убийство. Погиб ученик, небывалое ЧП для своего времени. Кому могло понадобиться убивать мальчика? За расследования берутся не профессиональные детективы, а сотрудники того самого НИИ, где работали над геномом учеников этой школы. 11% земного шара с геномом, дополненным ДНК растений – это много или мало? Наверное, много, если в геном закралась опасная ошибка. Это и предстоит выяснить Арсению, внедренному в школу под видом ученика.

Содержание

Глава первая, в которой мы узнаем про убийство	4
Глава вторая, в которой не все люди одинаковые	14
Глава третья, в которой Арсений в опасности	23
Глава четвертая, в которой в лесу деревьев не видно	30
Глава пятая, в которой Арсений идет по следу	34
Глава шестая, в которой расследование переходит к Дмитрию	41
Глава седьмая, в которой внимательность помогает Дмитрию	50
Глава восьмая, в которой самое главное внутри	59

Оксана Заугольная

Все мы немного трава

Глава первая, в которой мы узнаем про убийство

«В школе, где учатся только адаптированные дети, произошло убийство. Трупом оказался ученик десятого класса...»

Арсений нажал на крестик.

– Трупом оказался! – передразнил он статью. – Не умеешь писать, ну делай что-то другое! Все пути открыты. Даже таким бездарям!

Дмитрий вздохнул и повернулся к окну, за которым показывали место отдыха их начальник Платон Николаевич. Платон Николаевич даже в отпуске заботился о работниках своего центра и транслировал им познавательные ролики из каждого места, где бывал. Проблема была в том, что для отпуска Платон Николаевич выбирал очень странные места. С одной стороны, они не вызывали у подчиненных зависти, с другой же – от окна тянуло сквозняком несмотря на тройную защиту. Климат-контроль от Заслона Платон Николаевич ставил только в своем офисе, полагая, что его сотрудни-

кам нравится естественность. Сотрудники не роптали, хотя смотреть на то, как Платон Николаевич роется в снегу в Заполярье было небольшим удовольствием.

Только даже это было для Дмитрия лучше, чем смотреть сейчас на Арсения. Потому что пути были открыты всем бездарям, это правда. Но не Арсению.

Арсений был совместной разработкой их родного НИИ и Заслона, но удачность этой разработки до сих пор стояла под вопросом. И потому Арсений существовал такой один в единственном роде, жил в небольшой комнатке при институте, а выходил дальше симуляторов реальности только по особым случаям, всё больше в свободное время работая над кодом собственной ДНК, чтобы понять, в каком отрезке что-то пошло не так.

Таинственное убийство в школе для адаптивных детей как раз подходило под понятие особого случая. И Арсений уже заранее радовался и злился по этому поводу. Радовался возможности применить свои накопленные знания и злился, потому что любое дело отвлекало его от работы всей его жизни, а ведь над ней он трудился без малого пятьдесят лет.

Когда Дмитрий узнал об этом, он не поверил. Он вообще неслабо оконфузился при первой встрече с Арсением, и его спасало лишь то, что таковым за последние пятьдесят лет он был таким далеко не первым.

Дмитрий тогда только устроился в центр. Он был нормалом, каковых к этому времени на планете осталось не так уж

много, но НИИ на серьезные проекты предпочитали брать в равных пропорциях адаптированных людей и естественных. Этих самых нормалов. Дмитрий вошел в квоту, был счастлив, нервозен и готов выделиться чем угодно.

Так что, увидев мальчишку лет двенадцати на вид, он присел на корточки перед ним – психологи советовали не разговаривать с детьми с высоты своего взрослого роста, и как можно ласковее произнес:

– Мальчик, ты чей? Потерялся?

– Это ты потерялся, похоже, – нагрубил ему мальчик и зашагал по коридору, бормоча под нос. – Наберут идиотов. Потом нянчиться с ними...

Дмитрию повезло. Он не стал пенять пацану на грубость, просто переключился на наушники, где прослушал поддерживающее аудио от психолога на подобную тему. И пошел искать свой будущий кабинет.

Кабинет он нашел с трудом, НИИ строилось явно не для удобной логистики, а вопреки. И Дмитрий даже не слишком удивился, увидев в кресле перед монитором того самого мальчишку. Первой эмоцией было облегчение – не поссорился с сыном будущего коллеги. А потом он подметил детали. Кресло было не большим, а сделанным именно под мальчишку. И доступ ко всему в кабинете был тоже удобным для роста и тонких рук пацана. Так что Дмитрий напряг внешнюю память и вывел себе имя-отчество будущего напарника.

– Еще раз добрый день, Арсений... – он на мгновение за-

пнулся. – Авраамович.

Делать вид, что они не встречались, Дмитрию в таких случаях не советовал психолог. Вообще, если бы Дмитрия спросили, он бы сказал, что лучшее изобретение НИИ и Заслона именно психолог в ухе, а не грандиозные климатические сферы, спасающие жизнь нормалам, или прорыв в работе с ДНК. Только Дмитрия никто не спрашивал, и он помалкивал. По совету психолога, разумеется.

Кресло развернулось.

– Привет, – хмуро ответил мальчишка. – Давай без отчеств, ладно? Все равно это не имя моего отца. Так. Шутка.

Много позже Дмитрий узнал, что Арсений был впечатлен его внимательностью и очень доволен, только по его лицу узнать это было сложно. Арсений всегда выглядел так, словно был недоволен. Особенность нервной системы, доставшейся вместе с неудачной цепочкой ДНК.

Вообще-то сам Дмитрий считал, что Арсений – настоящий успех. Вполне сравнимый с психологом в ухе или даже лучше. И ученые конкурирующих предприятий считали также. Про Арсения. Поэтому Арсений и жил при НИИ больше пятидесяти лет. После того, как его несколько раз пытались выкрасть.

По сути, ученым прошлого вместе с программистами из Заслона удалось расшифровать ДНК бессмертия. Арсений был первым и единственным человеком на земле, которому удалось интегрировать такое количество ДНК гидры, чтобы

не произошло отторжения и клетки действительно преобразовались. Программист, написавший ту программу, которая определяла нужные отрезки, был номинирован на Нобелевскую премию по биологии, но так ее и не получил. А Арсений обнаружил, что в расчетах закралась небольшая ошибка и последние полвека лет искал ее.

Да, он объективно был бессмертным и не убиваемым. Регенерация его уступала регенерации гидры лишь в скорости – всё-таки человеческие органы были куда сложнее, чем у гидры. Но главным приобретением организма Арсения ученые, да и он сам, считали не это. Куда важнее было, что в его организме отлично прижились и продуцировались интерстициальные клетки, способные в нужный момент собой заполнить недостаток практически любых других клеток организма. В том числе эпителиальных, что было прогрессом по сравнению даже с самой гидрой.

Вот только новый набор ДНК требовал постоянного перезапуска (я бы добавила здесь «жизненного цикла»). Арсению приходилось время от времени наносить себе повреждения, чтобы не начать процесс почкования – даже самые смелые ученые пока не могли собрать достаточно кип документов, чтобы позволить подобному эксперименту дойти до конца – законы всех гибридных стран до сих пор уверенно сопротивлялись клонированию людей. А обновление организма приводило к тому, что он плотно застрял на физическом возрасте двенадцати лет.

Все, чего добились за десятилетия – это не позволять головному мозгу Арсения регенерировать слишком быстро и терять накопленную информацию. Нейроны и гормоны всего остального тела стабильно обновлялись, из-за чего Арсений постоянно был в цейтноте гормональной бури подросткового тела. Было от чего злиться на весь мир!

Низшие животные в результате были оставлены в покое, хотя мысль о бессмертии продолжала будоражить как научную общественность, так и обычных людей. А усилия ученых были направлены в другие перспективные области: техническое искусственное обновление организма, донорство клеток животных и разработка новой формы жизни с помощью ДНК растений.

Отдел, в котором работали Дмитрий и Арсений занимался последним. В настоящее время перспективным и успешным. Не менее 11% населения планеты на данный момент так или иначе были адаптированы именно с помощью ДНК растений.

– Нет, ты погляди! – Арсений продолжал ворчать. Он вывел на экран другую статью. Очень старую статью. Если бы Дмитрий не видел ее раньше, не поверил бы проставленной дате.

«И на Марсе будут яблони цвести. Возможно, этими яблонями будем мы с вами! Ученые нашли способ скрестить человека с растением! Теперь шутки про баобаб больше никому не покажутся смешными, а «ну ты, дерево» станет не

оскорблением, а констатацией факта. Про то, как с помощью этих энтов мы будем бороться с озонными дырами и разрежённости воздуха, расскажет...» – зачитал Арсений и с силой ударил по клавише, закрывая статью. – Нет, ты видел?

Дмитрий, конечно, видел, и много раз, но сейчас он просматривал документы по делу из школы, вдруг что-то важное пропустили? Его наблюдательность помогала ему не раз и до этого.

– Мы просто вне контекста, – миролюбиво заметил он, не отрываясь от своего наладонника. – Возможно, тогда это было смешно. Ну про Марс. Яблони. Баобаб.

– Смешно? – Арсению только и нужен был крючок, чтобы его негодование вырвалось наружу. – Что смешного в том, что профессор нашего НИИ несколько часов распинался про цепочки РНК и ДНК, о том, что ДНК растений и раньше сохранялось в человеческом организме без вреда для последнего, и именно это привело к абсолютно новаторской для тех лет мысли о возможности склеить некоторые отрезки ДНК, чтобы заменить растительным ДНК поврежденные мутацией и в то же самое время усовершенствовать и дополнить геном человека? А журналист написал «скрестить человека с дубом»!

– Там не совсем так было написано, – вынужден был заметить Дмитрий. Сам он биологом не был, он работал с программным кодом. Поэтому для него все эти эксперименты и получившиеся в результате их проведения индивидуумы

были лишь бесконечной вереницей цепочек белков. Просто буквы и цифры на экране.

– Да какая разница, – буркнул Арсений, который остывал также быстро, как взрывался. – А потом начинается, когда ты прорастешь, когда позеленеешь и какой ты человек, если у тебя не сорок шесть хромосом. Хромосомы никто не трогает!

– Арс, ты идешь в школу или будешь сегодня бастовать? – Дмитрий с сожалением отключил наладонник. Ничего. Точнее... настолько грязно, что убить мог кто угодно. И мотив. Какой мог быть мотив? Парень был совершенно обычный. Одиннадцатый Б. Выглядел в среднем как все, учился тоже средне. Вроде встречался с девушкой, но тоже тихой, не королева красоты, чтобы из-за нее убивать. Ни с кем не ссорился. По крайней мере, таких данных никто не выдавал.

Школа вообще была очень закрытой. Экспериментальной, мать ее. И даже Арсения туда удалось пропихнуть с большим трудом. Только благодаря тому, что именно их НИИ и создавало заместительные отрезки ДНК. В дальнейшем предполагалось, что работать будут и с половыми клетками, но пока каждого адаптивного ребенка создавали «под ключ», как шутили циничные ученые. Заменяли мутационные элементы ДНК у тех, кто был неизлечимо болен и отказников. Остальным по старинке мутации заменяли собственными здоровыми цепочками, но это не останавливало от появления новых опасных мутаций. Вставки растительной ДНК в

человеческом организме делали результат стабильнее. Родители первых подписывали согласие. Юристы работали на износ, создавая прецеденты, по которым в неизлечимые болезни попадали в общем-то безопасные мутации.

Но тем не менее, пока передавать свою обновленную ДНК дети-растения не могли. В отличие от того же Арсения, мигрирующие промежуточные клетки которого легко становились такими, каких не хватало. Только Арсений наотрез отказывался размножаться и таким путем тоже. Пока не найдет ошибку.

– Разумеется, я иду, – Арсений поджал губы. – Я специально себя накручиваю, не понимаешь что ли? Эти детишки с повышенной чувствительностью, чтоб их мошка поела. Раскусят меня быстро, если что не так. И без того новенький сразу после убийства – как-то очень подозрительно.

– Вельми, – поправил его Дмитрий. – Вельми борзо. Современные дети очень любят использовать в речи архаизмы.

Арсений взвыл.

– Всё, я готов, – провыл он, растирая лицо руками. Ему как обычно немного изменили лицо. Паранойя или нет, но конкуренты выкрасть его могли хотеть и до сих пор. Не стоило давать никому лишней форы, так что Арсения всегда готовили к выходу в большой мир особо тщательно. Благо швы заживали на нем в рекордные сроки.

– Веди!

И Дмитрий повел. Потому что они напарники, а значит,

роль «отца» предстояло сыграть ему. Ведь настоящие родители Арсения наверняка уже умерли от старости, но даже если бы и нет, он их никогда не знал. Был ребенком-отказником, доставшимся НИИ благодаря настойчивости их тогдашнего директора, подписавшего опеку над мальчиком-инвалидом. Отчество, правда, Арсению дали не в честь него, а в честь ученого, открывшего регенерацию гидры.

Биологи те еще юмористы. Дмитрий этого никогда не понимал.

Глава вторая, в которой не все люди одинаковые

Дверь за Арсением закрылась бесшумно, как все двери в детских учреждениях. Нетравматично. И от этого ему по-настоящему стало жутко. Будто ему нетравматично отрубили голову. Снова. Из-за живучести и регенерации он был лишен того, что спасает других обезглавленных – моментальной смерти. Поэтому в тот раз ему доставалась долгая, нестерпимая боль. И после возвращения головы на плечи он еще полгода болел ангиной и говорил шепотом – берег головные связи.

В общем, на его памяти это было самое жуткое, так что не удивительно, что сейчас ему пришло в голову именно это. Всё-таки в этой школе произошло невероятное. Был убит школьник. Дети неприкосновенны.

Последние законы установили детский возраст до двадцати пяти лет и самые жестокие наказания за преступления против ребенка, создание угрозы его жизни и здоровья. Арсений не вникал как работают законы, если они не касались его. А ему удалось на суде доказать, что возраст биологический важнее возраста физиологического. Так что он был совершеннолетний. Давно.

И детьми не интересовался совсем. Однако всё-таки знал,

что преступлений против них становилось всё меньше, и уж такого не было... в их городе лет двадцать, не меньше. Школа пока тщательно следила за тем, чтобы информация не вышла наружу, но Арсений не обманывался. Не пройдет и недели, как это здание начнут осаждать журналисты, следователя сменят на какого-нибудь с «лицом» и именем, а детей родители заберут по домам. И ничего уже разузнать не удастся.

Арсений вздохнул. Те, кто его направил, не волновались за наказание виновного и расследование. Их беспокоило другое. Ошибка. Могла ли здесь крыться ошибка их НИИ, могло ли оказаться так, что замена каких-то генов привела к этому.

Одиннадцать процентов населения Земли. Это много. Очень много. И если у каждого внутри спит эта ошибка, ученые должны узнать об этом самыми первыми. До того, как по миру прокатится волна паники и сметет адаптированных.

Ведь перед паникой все равны, и одиннадцать процентов, будем честными, это очень мало.

Но всё-таки школа производила тягостное впечатление, и Арсений не понимал почему. Сам он проучился в школе до седьмого класса, пока вдруг не обнулится после неудачного падения с эскалатора. Это было очень давно, и его школа была всем хуже этой школы-интерната, хотя была для своего времени неплохой. И всё же Арсению категорически тут не нравилось. В животе забурчало, а пальцы начало пощипывать.

Арсений закатил глаза. Серьезно? Организм снова пытается выработать стрекательные клетки? Не убить бы кого-нибудь нечаянно. А то будет номер!

– В школе сейчас карантин, – куратор седьмого Б, в который предстояло «вливаться» Арсению, вела его через учебную часть школы, чтобы он мог оглядеться. Окна во весь рост, постоянный доступ к дневному свету. При этом опасные лучи всё равно задерживались умным климат-контролем от их коллег из Заслона. Эти адаптированные дети могли не бояться ожогов агрессивного солнца, но к чему напрасные проверки?

Большое количество мирно журчащих фонтанчиков – адаптированные дети потребляли много чистой воды. Тихие затемненные уголки для релаксации с мягкой спокойной музыкой и рекреационные зоны с рассеянным светом и бесформенными, на первый взгляд, но комфортными креслами вместо стульев.

Арсений вдруг понял, что очень давно не отдыхал. Он постоянно искал ошибку в собственном коде ДНК и полностью вычеркнул из своей жизни все остальное. И даже не знал, что мир стал... таким совершенным. Его создали люди, с которыми он переписывался в корпоративной почте и ходил в одну столовую – их НИИ был построен рядом с крупнейшим филиалом Заслона и рекреационную зону для сотрудников сделали общую. Даже жаль, что Арсений пользовался только столовой.

– Карантин? – тем не менее повторил он за куратором. – Заразное что-то?

Куратор вздрогнула.

– Надеюсь, что нет, – через силу улыбнулась она. – В любом случае, в твоём классе все здоровы. Не переживай. Врачи следят, чтобы ни у кого больше не появилось симптомов. Конечно, лучше бы тебе перевестись к нам попозже...

Незаконченная фраза повисла в воздухе. Арсений поспешил грустно вздохнуть и пожать плечами. По легенде он тоже был не в восторге от перевода, но отцу требовалось уехать, и элитная школа-интернат оказалась единственным выходом.

Куратор тоже вздохнула, но улыбнулась уже более искренне.

– Теперь надо разобраться, куда тебя поселить, – они остановились в жилой части интерната. Откуда-то вкусно пахло котлетами, и Арсений тут же загрузился новой мыслью. Он раньше не задумывался об этом, но дети-растения – они вегетарианцы или нет? Или это неважно?

Что вообще известно про самих детей? Арсений мог много сказать про код каждого, про то, как шла работа над их геномом. Но он ничего не знал про них, как личностей. Индивидуумов. Они были адаптированы. Как он к бессмертию, только к жизни в современном мире. Им не был страшен поредевший озоновый слой. Они, кажется, продуцировали кислород, хотя Арсений никогда не интересовался, как так по-

лучается. С этими отрезками ДНК, что отвечали за функции растений в отдельно взятом организме, занимался не он. Его дело было искать мутации, на место которых можно было встроить выбранные коллегами белки.

И сейчас он сильно пожалел о том, что не поинтересовался этим.

– Арсений, ты береза или ель? – неожиданно спросила куратор, заметно нервничала. – Прости, в твоей карточке нет информации.

Арсений моргнул.

– Чего? – от неожиданности он забыл, что нужно играть двенадцатилетнего, но получилось очень естественно.

– Или дуб, – уже менее уверенно произнесла куратор. – Нет, у нас есть и более редкие ребята, и они все держатся отдельно. Но мне надо понять хотя бы хвойный ты или лиственный.

«Какой хвойный! Какой лиственный! – хотелось заорать Арсению. – Участки ДНК, которые берутся для людей, не несут этой информации!»

Но, разумеется, ничего этого он не заорал. Наоборот, Арсений почувствовал, что нащупал ниточку, которая приведет его к убийце.

– Лиственница, – сделав смущенное лицо, «признался» он. – Это ведь не проблема?

По лицу куратора он понял, что проблема и еще какая. Возможно, она тоже попала сюда по блату и в ботанике, а

уж тем более в анатомоботанике не разбиралась от слова совсем.

– Листве... она с листьями? – неуверенно уточнила куратор. Как же ее звали? Арсений мог вызвать бот памяти, каким постоянно пользовался его молодой напарник, но вместо этого напряг свой мозг. Вероника Игоревна. Точно.

– Нет, Вероника Игоревна, – он изобразил несмелую улыбку. – С иголками... Но они опадают.

На самом деле ДНК листовницы не использовалось в их институте для работы по интегрированию. Ученые не видели смысла. Куратор шестых-седьмых классов пусть даже очень престижной школы об этом, разумеется, не знала.

Как не знали рядовые граждане, что выбранные для работы цепочки ДНК были разделены по типам деревьев только для удобства ученых. Внутри каждого могли оказаться любые отрезки, необходимые для полноценного функционирования его организма. А пропечатывали береза, дуб, сосна... Просто для удобства. Коллегам Арсения было проще искать эффективные комбинации по папкам, а не в одной, растянутой до бесконечности.

И Арсений только сейчас понял, что воспринять это можно было превратно. Разве адаптивные дети не были одинаковыми? Цвет кожи и волос давно не имел значения. Арсений и помнил еще сам – с времен своего детства, и смотрел документальные фильмы древности про то, как люди устраивали натуральные войны с нанесением тяжелых телесных по-

вреждений и даже приводящим к смертям просто из-за нации или цвета кожи. Но сейчас, когда пигментацию любого участка человеческих тканей можно было изменить в клинике за пару дней, а 73% процента земного шара обозначали себя как космополиты и не принадлежали никакому отдельному участку земли, селясь там, где им комфортнее, причин для разделения больше не оказалось.

И тут пришли адаптивные люди. Они снова отличались. Чуть зеленоватые лица – пигмент-лифтинг у них проходил хуже, более сухое, худощавое телосложение. Они отличались совсем немного, но заметно.

Арсений ждал, что пройдет еще лет пятьдесят-сто, и адаптивными станут практически все люди земли. Это просто будет удобнее. Киберлюди и те, кто выбрал трансплантологию от высокоорганизованных организмов тоже займут свою нишу, но войны между ними не будет. Они же не так слишком отличаются, верно? И у Арсения были неплохие шансы убедиться в этом лично – сто лет он проживет без особых проблем.

Однако ему и в голову не приходила мысль, что эти несчастные 11% тоже делятся на группы. На что им делиться, они же все трава! Растения! Растения же вроде бы куда миролюбивее животных? Свет, вода, почва... Вот и всё, что им нужно!

Конечно, эти ребятки не сидят корнями в горшках и не ждут, когда их полуют из лейки, но Арсений достаточно про-

гулялся по интернату, чтобы убедиться: ресурса для школьников в избытке. И не только вода и свет. Здесь явно заботились об этих ростках, все самые передовые технологии, часть из которых Арсений видел только в кабинете Платона Николаевича, да в виде моделей на презентациях из Заслона, тут были. Так что причин для конфликтов быть не могло.

Может, жертва пострадала от кого-то извне? Это звучало как неплохая версия, и Арсений цеплялся за нее изо всех сил. Потому что ему снова сделалось жутко в этом светлом, хорошо освещенном коридоре теплого персикового цвета, по обе стороны от которого были светлые чистые двери.

Он знал, что здесь только седьмые и шестые классы, а убит был одиннадцатиклассник. Но почему-то чувство, словно за одной из этих чистеньких дверей скрывается убийца, не покидало Арсения. Он не боялся смерти – его было практически невозможно убить, но ничего не мог поделать с собой. Организм готовился к войне – стрекательные клетки прорастали на ладонях, заставляя руки ужасно зудеть, а нервные окончания под кожей были на таком взводе, словно лишились этого защитного покрова.

Арсений знал это чувство. Ведь и без кожи ему тоже приходилось оставаться. Но тогда это был эксперимент, и Арсений знал, чем и когда всё закончится. Сейчас же он не знал ничего.

– Будешь жить с березами, – наконец решила Вероника Игоревна. Судя по небольшому зависанию, она пыталась

найти необходимую информацию по листовницам. Арсений удивился бы, если это бы ей как-то помогло. – Они у нас самые дружные.

В голосе ее уверенности правда не было.

Дверь открылась от легкого нажатия и отползла в сторону. Арсений шагнул внутрь, и дверь бесшумно закрылась. Вероника Игоревна осталась снаружи. А вот на Арсений смотрело девять пар внимательных глаз.

«Дружные. Березы. Растут рощами, – сообразил Арсений. – Сукаааа...»

Он растянул губы в улыбке.

– Привет, – голос не дрожал, хотя горло зачесалось в том месте, где ему отрубил однажды голову. – Я Арсений. Ваш новый сосед и одноклассник.

Глава третья, в которой Арсений в опасности

Сначала Арсений решил было, что тревога была ложной. Он успел вытащить и надеть перчатки, объясняя это недавними травмами – среди адаптированных детей такие травмы были привычными, и все определенно расслабились.

– Я подумал, что ты нормал, – протянул ему руку самый высокий парень. – Николай.

Они так привычно коснулся не ладони, а краем кисти, что Арсений понял – их НИИ напрасно мало внимания уделяет этому участку кода, в которой никак не могли найти ошибку. «Не смертельно» была помечена эта ошибка, и ее убрали в архив.

Куда важнее было решить вопрос с мутациями рака и поработать с ДНК для устранения опасности рака кожи, рост которого под более агрессивным солнцем шел такими темпами, что даже в непогоду не адаптированные люди должны были выходить в защитной одежде или обмазавшись кремами. Каждый мечтал решить этот вопрос кардинально и видел свое имя рядом со словосочетанием «Нобелевская премия».

Да, растрескавшаяся кожа – это не смертельно. Не смертельно, но, похоже, дети действительно часто страдали от облезавшей кожи ладоней, которая трескалась точно кора де-

ревью. Но не говорили об этом. Молчали.

Похоже, дети-растения вообще были молчаливее обычных. Так показалось Арсению, когда он раскладывал вещи в своем отсеке.

Все молчали и смотрели на него.

– Не нормал, – сообразив, что так и не ответил, произнес наконец Арсений. И не соврал даже. – Простите, друже, не привык к большим группам.

– Березы всегда большими компаниями, – настороженно ответил Николай. Остальные же словно воды в рот набрали. Арсения это уже серьезно начинало раздражать.

– Я жил с родителями, – буркнул Арсений. – И учился с нормалами.

Вот теперь ребята зашумели и полезли из своих отсеков, а Арсений наконец мог разглядеть своих новых одноклассников.

Они были очень разными и в то же время очень похожими. В школьной светлой форме – Арсений знал, что она пропускает больше света, чем обычная синтетическая ткань, с модными сейчас среди не только адаптированных, но и обычных детей лишайниками-симбионтами в волосах. Хотя парни и предпочитали обычно накипной лишайник, здесь в моде были именно кустистые лишайники, искусственно обогащенные синезелеными водорослями, отчего такой лишайник ветвился и рос куда лучше, чем натуральный. Его причудливо заплетали в настоящие волосы те, кто носил длин-

ные, и он забавно топорщился челкой и вихрами у короткостриженных.

Арсений пожалел было, что сам не догадался использовать такое же – лишайники при должной подкормке прорастали быстро. Но потом утешился, что можно попросить у *ладушки*, что ему «приглянется». Всерьез девчонками он увлекаться не собирался, но носить чей-то лишайник он не брезговал, а информатором девушка могла стать лучше парня. Хотя бы потому, что семиклассницы уже могли поглядывать на одиннадцатиклассников, тогда как семиклассники были заняты собой. Во время юности Арсения всё было именно так.

– А почему с нормалами? Сейчас ведь даже в обычных школах есть отдельные классы для наших, чтоб не с рядовичами, – спросил массивный парень, которого Арсений в жизни бы не назвал «березой». Скорее дуб, или даже баобаб. Глядя на этого, торопливо представившегося Любомиром одноклассника, Арсений воочию видел, какая шаткая теория со всеми этими березами и елями. А в нее верили. Неужели и впрямь ошибка?

Арсений прошерстил память, пока не нашел, что рядовичи – простые, обычные люди. Нет, подростки убивали своим сленгом! И ладно бы своим, откуда они вытащили архаизмы! Впрочем, Арсений был тут не за этим.

– Родичи мои глаголят, что все одинаковы, – осторожно кинул он пробный камень. Не засыпался ли с архаизмами,

не перебор ли?

Молчание было ему ответов. Он заметил, что одноклассники чуть отодвинулись от него. Не слишком, парень их возраста и не заметил бы. Но Арсений был не их возраста.

– А что, не так разве? – деланно широко улыбнулся он. – Ребят, леса не воюют, вот и мы не должны.

Ошибку свою он понял сразу. Это не в коде ковыряться.

– Леса воют, – без улыбки произнес Николай. – Ты бы старые книги почитал. Документальные.

– Название хоть скажи, прочитаю, – Арсений всё еще надеялся перевести всё в шутку, но дружные березы оказались дружны в одном – они в одном порыве отодвинулись от Арсения подальше. И только Николай назвал книгу.

Арсений огорчился недолго. Лучше повода прямо сейчас пойти на поиски библиотеки и заодно разнюхать где и что, могло и не представиться. Проводить же здесь несколько месяцев он не собирался. Ему уже было не по себе, и он не мог без содрогания думать про то, чтобы остаться здесь на ночь.

И почему-то он до последнего боялся, что сейчас он тронет дверь – а она не откроется. Не сработают сенсоры, не отреагируют на него. А сзади подойдут девять теней и...

Арсений не отличался богатой фантазией, и дальше она буксовала. Что ему сделают школьники, да еще семиклассники, он пока плохо представлял.

Но ничего не случилось. Дверь от прикосновения мягко отъехала в сторону, и Арсений шагнул в коридор. Нестерпи-

мо хотелось поговорить хоть с кем-то. Хоть бы даже с психологом в ухе, хотя до сих пор Арсений считал, что Дмитрий, мягко говоря, преувеличивал значимость этой услуги. Арсений вообще не понимал, зачем Заслон с его огромными проектами в телекоммуникациях, навигации и медицине связался вдруг в такое. А сейчас понял.

Но его имплант принимал только телефонные звонки и, если не отключить вовремя, монотонные рассказы Платона Николаевича о том, как меняется климат в заполярье.

Арсений дернул себя за мочку. Услышать голос кого-то *нормального* хотелось нестерпимо. Хотя раньше он за собой подобного не замечал, одинаково тяжело сходясь с людьми не измененными, адаптированными, киберлюдьми и всеми прочими. Не ему было перебирать, но и разговаривать с теми, кто априори смотрел на него сверху вниз было непросто. А ведь он только начал! Нет, прав был начальник, когда говорил, что ему надо чаще выбираться из своего кабинета. Его высшая нервная деятельность совсем деградирует без контактов с внешним миром.

Дмитрий ответил сразу, словно ждал звонка. Впрочем, Дмитрий всегда был на связи. Нормал, он был нашпигован гаджетами так, что проходил через арки для киберов – чтобы не звенеть.

– Арс? – голос был тревожный, и Арсений чуть не расплакался. Проклятые подростковые гормоны! Он снова почувствовал ярость. Неужели придется снова пить блокаторы

как десять лет назад? Но всё же было так приятно, что кто-то за него переживает. – Всё в порядке? Нужна помощь? Приехать?

На Арсения нахлынуло раздражение. Приехать! И выдать, что он пользуется ухо-связью!

– Не надо, – не разжимая губ произнес он, надеясь, что безопасный дом, установленный в интернате, его не выдаст. – Конспирация!

– А, понял! – почему-то тоже шепотом произнес Дмитрий. – Я тут добыл результаты вскрытия пацана. Короче, все очень странно. Его будто... резали. Очень много крови на-текло.

Арсений на мгновение сбился с шага. Резали и крови? Дети до совершеннолетия, наступавшего не раньше двадцати пяти, не имели доступа к холодному оружию, да и лазеры им позволялось использовать только маломощные.

Разумеется, были симулякры, чтобы руки привыкли держать все виды приборов и орудий, которые могли встретиться жителю мегаполиса или поселенцу, если ребенок планировал проводить отпуска как их Платон Николаевич, чтоб ему матрас не той стороной застилали.

Но симулякры на то и симуляторы реальности, что порезать ими что-то, да еще до крови, нереально.

– Добудь информацию о профориентации, – снова не разжимая губ попросил Арсений. – Возможно...

Он успел подумать, что некоторые профессии вроде ме-

диков могут требовать более раннего подключения работы с реальными орудиями. Но произнести это не успел. Только встал на эскалатор, который почему-то не повез его вниз, к библиотеке, и вдруг всё-таки двинулся.

Арсению не хватило миллисекунды понять, что двинулся не эскалатор, а он сам – от толчка в спину.

И он кубарем полетел вниз по ступеням. В темноту. Почему-то в этой части интерната царил приятный для глаз полумрак.

Такие странные мысли вспыхнули в голове Арсения прежде, чем он потерял сознание. Удар был не так силен, но организм, измученный предчувствиями, отправил интерстициальные клетки на защиту внутренних органов, а в результате Арсений словно получил мощный удар в живот от самого себя. От этого удара, а вовсе не от падения он и отключился, уже не слыша, как кричит ему в ухо Дмитрий.

Глава четвертая, в которой в лесу деревьев не видно

Очнулся Арсений в медицинском отсеке и с облегчением понял, что организм не ушел на перезагрузку и не обнулился. Сейчас это было бы совершенно некстати.

Да и Дмитрий с отрядом врачей и полиции не маячил у медицинского отсека, а значит, хватило ума никого не вызывать.

Арсений осторожно сел. Да, пресс как каменный. В остальном он вроде бы цел. Шишка на затылке почти рассошалась, что было не слишком хорошо. Заметят медики, вопросов не оберешься.

На столе рядом стояла порция еды, напитков и лежала книга. Не электронная. Тонкие пластиковые страницы – почти точная копия бумажной. Конечно, бумагу давно не производили, да и бумажные книги рядом с детьми-деревьями... звучало кошунственно.

Арсений потряс головой. Недавно ему бы и в голову не пришло подумать, будто адаптивные дети действительно наполовину деревья. Похоже, он всё-таки очень неслабо ударился головой.

Постель подстроилась под его сидячее положение, а дверь мигнула теплым цветом, пропуская медичку. Кибер. Логич-

но, конечно.

Арсений попытался разогнать в себе злость от того, что его столкнули. Киберы отлично чувствовали эмоции и считывали пульс, потоотделение и другие параметры. Не все, конечно, но такие как эта – точно.

– Что же ты такой неаккуратный, – медичка провела рукой над приборами, для вида что-то нажимая. Арсений этим не обманулся, он знал, что она проверила его состояние еще до того, как вошла в комнату. Эту аппаратуру коллеги из Заслона тестировали в том числе и на Арсении, обмануть ее было практически нереально.

Но Арсений решил попытаться.

– Меня столкнули с эскалатора, – перешел он сразу в наступление, чувствуя, как гормоны буквально взрывают его голову. – Я не видел кто, но это не я неаккуратный. А вот здесь я не вижу больных на карантине. Может, это просто эскалаторная болезнь такая?

– Тогда уж лестничная, – улыбка как нарисованная продолжала держаться на губах женщины, но говорила она на полтона тише. – Не кипятитесь, Арсений Авраамович, вы переигрываете.

Из Арсения словно выпустили весь воздух. Руки защемило так, что он с трудом не зашипел от боли.

А потом схватился за ухо. Передатчик был на месте, но стоял не так, как до этого.

– Вот именно, – с той же улыбкой проворчала медичка. –

Нет ни умений специальных, ни опыта – и лезут. Выдохните и расслабьтесь. Ёлочки извиняться придут, нечего их пугать сразу. Они про ваши взрослые игры и не знают.

Арсений и впрямь выдохнул, и сел ровнее. Ёлочки, значит? Ну, он постарается не сообщать им, какие законы они нарушили, совершив покушение на него. Нормал мог и шею сломать от такого падения.

– И учитесь ходить по лестницам, – добавила медичка, откровенная и ставя перед ним теплую еду. – Нашим воспитанникам нужно неагрессивное движение. Они не большие любители бега, а вот по ступенькам ходят как миленькие.

Арсений надеялся, что кожа его не покрылась румянцем. Лестница! Он спутал лестницу с эскалатором! Отвык. А ведь в его детство они еще встречались.

Придумать ответ, который спас бы его взросло-подростковое эго он не успел. Дверь снова тепло мигнула и открылась, пропуская «елочек». И Арсению стало не до эго и не до того, что успела про него узнать кибер-медик и с кем поделилась.

Шестеро парней на вид были минимум одиннадцатиклассниками, а то и старше. Все как один крупные, высокие, темноглазые. Они были даже похоже, хотя точно не были братьями.

– Точию глаголати, – буркнул самый тощий из них, сильно покраснел щеками – Арсений обрадовался, не такие уж они деревья, как хотят показать! Кровь красная! – Только пого-

ворим, Феоктиста Валериевна.

– Ну смотри, Селезнев, – улыбка у кибер-медички стала чуть шире. А Арсений уже думал, что это псевдо-лицо! – Я наблюдаю через камеру, ты знаешь.

И вышла.

Оставила их наедине. Арсений даже растерялся.

Глава пятая, в которой Арсений идет по следу

– Ну... ты это... – первым заговорил именно тощий. Селезнев, как понял Арсений. Жаль, что имени его медичка не сказала. Было видно, что среди «ёлок» он был главным. Арсений пожалел, что совершенно не интересовался социологией. Что такое произошло, что дало такой серьезный откат, и снова появились группировки, в которых один занимал главенствующую роль, он не знал. Он вообще не подозревал, что такое возможно. В конце концов, это было атавизмом уже в его детство.

– Мы тебя убить не хотели, – наконец сформулировал мысль Селезнев и просиял, словно защитил докторскую.

Арсений с трудом сдержался, чтобы не закатить глаза. Seriously? Он тогда не удивлен, что такие бездари пишут статьи. Если одиннадцатиклассник формулирует как переходный представитель хомо эректус эректус, то что говорить об обществе, в котором он занимает свое место!

– Феоктиста сказала, что ты не понял, что это обычная лестница, – вмешался «ёлка» покрупнее. – Неудачно совпало. Ну и березы обычно очень хватательные – они сразу за перила цепляются, смешно так.

Арсений медленно кивнул. Кажется, он и впрямь зря ед-

ва не закатил позорную истерику на пустом месте. Глуповатые ребяташки – похоже, им надо серьезнее подойти к вопросу комбинирования генов. Это не игрушечный конструктор. Вероятно, ресурсы, уходящие на продуцирование организмом клеток, способных перерабатывать углекислый газ, были взяты из нейронных. Мозг адаптивных детей мог заметно пострадать. Но нужно провести исследование. Вполне вероятно, что это повезло только Арсению столкнуться с идиотами.

– Я не береза, – наконец произнес он, а дальше начал вдохновенно врать. – Вообще не понимаю, почему это важно, но для моего излечения использовалось ДНК лиственницы. Но в целом я отличаюсь от вас или от берез не более, чем от любого другого человека. Это только набор генов, ничего более. Он отличается абсолютно у всех на планете, даже однояйцевые близнецы из-за отличий в мутациях не имеют идентичного кода.

Она остановился, чтобы вдохнуть поглубже и увидел на лицах своих «гостей» недоумение и раздражение.

– Ты из питомника что ли? – спросил его Селезнев. – Еще скажи, что мы с этими захватчиками дружить должны!

Арсений нервно сглотнул. Почему-то ему показалось, что сейчас высокие парни сомкнут над ним пространство, закроют плечами от камеры и...

Он не знал, что и, но ему заранее не нравился такой ход событий.

– Книгу почитай, – буркнул Селезнев, кивком указывая на томик на тумбочке Арсения. – А выйдешь из медотсека, поговорим. Растения не живут по одному, если только они не в теплице.

Он повел ладонью, словно охватывая пространство вокруг.

– Это, конечно, теплица, – добавил он. – Но мы знаем, что нам здесь пребывать не до конца жизни. И надо привыкать к реальности. Те, кто это не понимают, могут плохо кончить.

А вот это уже точно звучало как угроза! Арсений даже взбодрился.

– Как Мстислав? – спросил он, припомнив имя убитого мальчишки. И уставился на Селезнева, надеясь увидеть на его лице такие нужные эмоции. Страх. Вину. Панику.

Может, «ёлки» даже раскроют себя. Это было бы очень неплохо. Арсению хотелось как можно скорее покинуть эту «теплицу».

Но никто из гостей не дернулся от имени, а Селезнев только кивнул.

– Как он или Ульяна, – произнес он веско. – Подумай. Ты должен решить, с кем ты. Одинокое дерево не проживет ни в лесу, ни вне его.

И они вышли.

Заглянула Феоктиста Валерьевна, словно тоже переживала за Арсения.

Свет приглушили. Арсений прикрыл глаза, решая сделать

вид, что спит, и задумался. Книгу читать он сейчас не мог, поэтому нашел аудио вариант и теперь слушал.

Стоило догадаться, что под видом «настоящего документального» ему подсунут художку, да еще написанную когда-то очень давно для детей. Поэтому и читалась она тяжело. Больше описаний, чем готовы были выдержать современные подростки.

Однако они изучали и определенно почитали эту историю не меньше, чем законы, знание которых стало обязательным еще до рождения Арсения, и даже целый школьный предмет был выделен под общемировые и локальные законы.

Арсений подумал, что на основе этой детской истории про войну деревьев, могут тоже создать свод законов. И ему эта мысль категорически не понравилась.

Аналитический разум принялся высчитывать негативное влияние этой истории на головы детей-растений. Сама по себе книга была безобидной, но, если дети уверенно ассоциируют себя с видами деревьев, выглядело всё уже совершенно иначе. Арсений прослушал заново тот отрывок, где под пологом лиственного леса мучительно долго растут хвойные. И как те, что сумели выжить, поднимаются выше и закрывают солнце для вчерашних победителей.

Стали понятны и привычка «ёлочка» нависать над другими, и их сплоченность. А как же его общительные березы? Неужели они готовы были смириться и просто ждать, когда их ресурс заберут соседи?

Арсений еще раз перещелкнул на начало небольшого рассказа, послушал еще раз. Что-то его цепляло, но он не мог понять, что. Прослушал Большая вырубка! Вот оно!

Если адаптивным детям еще не пришло это в голову, то это может случиться в любую минуту, чтобы начать войну за ресурс, нужно сначала освободить этот ресурс от других.

Арсений снова сел и нервно оглянулся, словно кто-то мог проникнуть в медотсек. Они ждали восстания машин или даже инопланетян, но обратить внимание стоило на тех, кто куда ближе. На детей, которых они, не жалея сил, делали всё лучше и лучше, и в результате дети перестали чувствовать себя людьми.

Похоже, они проморгали новый вид. Более совершенный и более опасный, чем изнеженное человечество. Когда-то кроманьонцы так смели неандертальцев. Арсений знал, что ряд ученых всё еще придерживается мнения о более безболезненном и медленном смешении двух видов, гены одного из которых оказались сильнее, но сам Арсений нутром чувствовал, что дело обстояло не так.

Сильные и более развитые просто сминают более слабых. И пусть эволюция уже длительное время почти никакого влияния не имела на развитие человеческого вида, они сейчас своими руками подвели мир новому витку борьбы за ресурс и выживание. Они сами создали более совершенных людей. Способных восстанавливать баланс кислорода, способных жить вне мощных куполов от Заслона, защищающих

кожу от агрессивного солнца. Людей, лишенных опасных мутаций, ведь именно эти участки цепочки заменялись растительным ДНК.

Ему по-настоящему стало дурно, и он потянулся -за водой, которая стояла на тумбочке. Показалось ему, или в темном углу у шкафа проскользнула какая-то тень?

Арсений щелкнул пальцами. На звуки в таких местах освещение становилось ярче. Впрочем, в своем рабочем пространстве они с Дмитрием эту функцию умного контроля отключили. Слишком часто они оба повышали голос.

Арсению захотелось поскорее оказаться рядом с товарищем. Там, на работе, а не в этой дурацкой школе. Он только сейчас понял, что Дмитрий был не просто коллегой, а настоящим другом, и намеревался сообщить ему это, не откладывая до утра.

Он даже уже почти поддался этому желанию прямо сейчас вызвать Дмитрия, как почувствовал, что на него накатывает сонливость. Ладони начало нестерпимо жечь, живот снова заболел, словно организм пытался как мог справиться с нападением, которое шло неизвестно откуда.

Перед глазами всё плыло, и Арсений с трудом мог разглядеть катетер в руке, от которого шла тонкая прозрачная трубка. Он привык к капельницам, и это стало его ошибкой.

– Не подходи, – заплетающимся языком произнес он и вытянул вперед ладони, надеясь достать темную фигуру, приближающуюся к его койке.

Наверное, ему это всё-таки удалось, потому что он слышал возмущенный крик, прежде чем сознание окончательно покинуло его.

Глава шестая, в которой расследование переходит к Дмитрию

Дмитрий знал, что «сердце не на месте» вообще не научное высказывание и не имеет под собой подкрепления фактами, но проснулся и лежал без сна почти до утра в ту ночь, когда Арсений пропал. То есть, он узнал, что Арсений пропал в ту ночь лишь следующим утром. Вот и поди пойми, бывает что-то вроде предчувствий или не бывает!

В любом случае подумать об этом можно было и позже, а сейчас Дмитрий спешно собирался в эту гребанную элитную школу, в которой убивали подростков и в которой исчезали сотрудники НИИ.

Так как Дмитрий и сам был сотрудником НИИ и исчезать он не собирался, экипировался он по полной. Защитные системы, рассчитанные на совсем маленьких детей, он надел без единого колебания. Теперь, случись что-то с ним, его местоположение и сигнал SOS немедленно уйдет не только в отдел, куда вернулся даже озабоченный исчезновением бессмертного сотрудника Платон Николаевич, но и отряду кибер реагирования. Дмитрий сомневался, что к моменту их появления будет еще жив, раз Арсений пропал без единой попытки подать сигнал об опасности, и камеры ничего

необычного не отразили. И Дмитрию предстояло проверить, как так вышло. Потому что он не верил в то, что умный контроль в школе мог выйти из строя. А значит, случилось что-то непонятное. А Арсений был близок к разгадке.

В этот раз он пришел как отец Арсения, и, если куратора как-то беспокоило, что он внезапно оказался не в отъезде и не слишком занят, то ничем это не выразила.

– Я должен проверить, куда он делся, – без долгих объяснений начал Дмитрий и показал карточку, выданную Платоном Николаевичем. – Если есть какие-то проблемы с контролем над электроникой школы, нужно пересобрать всё.

Дмитрий блефовал. Пусть у него был пропуск сотрудника Заслона, в котором и разработали все эти системы, работающие в школе для адаптивных детей, сам он засыпался бы на любом простейшем вопросе.

Но в одном ухе у него по-прежнему был доступ к круглосуточному психологу, а во втором – онлайн база информации по работе Заслона, та часть, что не была засекречена. Если вопросы будут не слишком сложные, он должен был справиться.

Куратор же только пожала плечами.

– Феоктиста Валерьевна собиралась отпустить его из медотсека, едва он придет в себя, – произнесла она сухо. – Но этого не произошло. Ко мне обратились березы с сообщением, что Арсения не было в комнате больше двенадцати часов. И я обратилась к вам.

– Более двенадцати часов, – повторил Дмитрий. – Новичок ушел в библиотеку и не возвращался более двенадцати часов. И они спохватились. Не вы ли утверждали, что поселите его с самыми дружелюбными ребятами?

– Всё так, – лицо куратора чуть побледнело. – Но это всё застенчивость кроны.

– Чего? – Дмитрию показалось, что он ослышался. – Какая еще застенчивость кроны?

– Это известный феномен у лиственных, – вот теперь куратор снова порозовела, определенно оседывая своего конька. – Конечно, обычно он встречается у лиственных в южных лесах, но у нас ведь особенные березы...

– Особенности, – резко прервал ее Дмитрий. – Они люди, Вероника Игоревна, вот в чем особенность!

Куратор поджала губы.

– Ваш Арсений тоже удивился разделению, вы его воспитываете без соответствия его виду, – попеняла она ему холодно.

Но слушать ее дальше Дмитрий не стал. Вместо этого он огляделся и ухватил за руку какую-то девочку с дредами из красных водорослей. На вид девочке было лет четырнадцать, но после Арсения Дмитрий зарекся определять возраст на глазок.

Девочка дернула рукой, но глянула на куратора и замерла.

– У тебя тоже застенчивость кроны? – Дмитрий знал, что поступает непрофессионально, но страх за Арсения и раз-

дражение заставляли его так реагировать.

– Нет, конечно, – девочка заметно разозлилась. Тряхнула гривой, отчего до Дмитрия дотянулись запахи мха и прелых листьев. Кажется, за своей экстравагантной прической она следила так себе. – Я ель!

Дмитрий оглянулся на Веронику Игоревну.

– Она ель, – подтвердила та.

– Какая еще ель, – прошипел Дмитрий. Желание вызвать особый отряд прямо сейчас стало почти нестерпимым. Останавливало лишь то, что он не понимал, как объяснить причину для срочного вызова. Люди считают себя деревьями? А вдруг это новость только для них, зарывшихся в работу?

Дмитрий дернул себя за мочку уха, позволяя психологу выдать свои рекомендации. В этот раз психолог совсем не помогал. Она бормотала о том, что человек имеет право на самоопределение, и в целом Дмитрий с ней был согласен. Но ведь человек при этом должен был оставаться человеком, разве нет?

– Обычная самая, – уверила девочка. – Не какая-нибудь там сизая или ель Глена. Самая нормальная. Я же не псих как Мстислав или Ульяна.

– Селезнева, – Вероника Игоревна помассировала виски. – Хватит болтать без остановки!

– Нет, пусть говорит, – Дмитрий встрепенулся. В его очках выскочило напоминание, триггер на одно из имен. Мстиславом звали погибшего мальчика. Ему показалось, или он

только что вышел на след? – Селезнева... м-м-м...

– Катя, – девочка просияла. – Вы следователь, да? Брат говорил, что может приехать следователь, что тот пацан жидковат, береза, конечно. Их не тронь! Они только пошутить хотели, толкнули легонечко, а он стоял криво, вот и улетел с лестницы!.. У брата туга с вечера. Как пришел из медотсека, так и кручинится. Я уж заглядывала к нему. Глаголит, что отрок шибанулся сильно.

Голова у Дмитрия заболела. Понимал он девчонку через слово. А она еще и тараторила как кибер на удвоенной скорости.

– Так, – остановил он ее. – Я правильно понимаю, что твой брат был последним, кто видел Арсения в медотсеке?

– Мнится мне, так и есть, – глаза у девочки были ясные. Она ничуть не переживала, что, возможно, подставила брата. Будто не понимала. Но тут Дмитрий повернулся к Веронике Игоревне, продолжая краем глаза следить за взглядом Кати и увидел по взгляду девочки, что все она понимает. Просто ее это совсем не беспокоит.

– А можешь попросить своего брата... – Дмитрий посмотрел на Веронику Игоревну, словно в поиске поддержки, но та расшифровала его призыв неверно.

– Он был с друзьями, – чуть более резко, чем требовалось, произнесла она.

– Хорошо, брата с друзьями, – покладисто согласился Дмитрий. – Пригласить в медотсек, где я посмотрю камеры и

палату Арсения. Он ведь лежал один, я правильно понимаю?

Вот тут Вероника Игоревна занервничала всерьез.

– Не совсем, – пробормотала она. – Я пришлю к вам куратора одиннадцатого В вместе с группой Селезнева. А Катя проводит вас в медотсек.

Катя снова тряхнула многочисленными косичками, заставляя Дмитрий поморщиться. Неужели подросткам не рассказывают о том, за симбионтами нужно ухаживать? Глупая история.

К счастью, климат-контроль коридора немедленно выровнял и температуру, и чистоту воздуха, отчего дышать стало легче.

До медотсека Дмитрий и Катя добрались быстро. Немногочисленные встреченные школьники буквально прилипали к стенам, пропуская их, но вскоре Дмитрий к этому привык. Да и думал он об этой странности в последнюю очередь.

– Здравствуйте, Феоктиста Валерьевна, – поздоровалась Катя. – Я вам привела проверку.

– Спасибо, Селезнева, – судя по не дрогнувшему лицу медички, она или перебарщивала с ботулотоксинами, или же куратор успела ее предупредить о Дмитрие. Он мысленно чертыхнулся. Надо было потребовать от этой Вероники Игоревны молчать о том, куда он идет! А теперь никакого эффекта неожиданности.

– У вас аллергия на ботулотоксин? – тем не менее спросил он, надеясь, что это засчитается как попытка поддержать

светский разговор.

– Я кибер, – с той же улыбкой ответила Феоктиста Валерьевна. – Я не использую уколы молодости.

– Простите, – стушевался Дмитрий. – Я осмотрю здесь всё?

И он снова достал карточку специалиста из Заслона. Улыбка кибера не изменилась.

– Конечно, – легко согласилась она. – Не буду вам мешать.

– К нам должны подойти мой брат и его друзья, – крикнула Катя ей вслед, но медичка даже не обернулась.

– Странная она сегодня и пахнет не очень, – расстроено заметила Катя.

«Кто бы говорил», – подумал про себя Дмитрий, чуткий нос которого всё еще страдал от волос Селезневой. Но вслух он ничего такого не произнес.

Первым делом он оглядел койку, на которой лежал Арсений. Следов борьбы или крови не было, да и откуда им быть, когда прошло столько времени! Нет, улики искать – неблагодарная работа.

Он заглянул под койку, надеясь найти хоть что-то, но и там было чисто.

– А он был лиственным или хвойным? – спросила Катя, которая уже включила наладонник и смотрела какое-то видео.

– Что? – Дмитрий замер под койкой, делая вид, что не расслышал. Арсений как-то должен был ответить на этот во-

прос, верно? Раз тут все просто помешаны на это разделении. Но врать Дмитрий умел плохо, поэтому, когда Катя повторила вопрос, промямлил:

– Ни то, ни другое.

– Брат также говорит. Мы поискали про лиственницы, они хвойные, но опадают. Чепуха какая-то, – кажется, он угадал.

Лиственница! Ну надо же! Потом Дмитрий обязательно придумает классную шутку и будет повторять ее, пока Арсений не позеленеет от ярости.

Лишь бы только друг нашелся.

– А я нашла личные вещи вашего пацана, – прервала его мысли Катя.

Дмитрий живо представил окровавленный комбинезон, нижнее белье и сиротливые кроссовки. Почему-то кроссовки ему обязательно виделись сиротливыми, со скатанными в мягкие рулончики носками, запиханными внутрь.

Но в пакете, который держала Катя были только три вещи: наладонник, горошина коммутатора из уха и перчатки.

– А облазят больше лиственные, – наябедничала Катя. – У нас кожа на ладонях крепче. Он точно хвойный?

– Точно, – Дмитрий как зачарованный потянул к себе перчатку. Он помнил, когда Арсений надевал их. Стрекательные клетки. Арсений чувствовал опасность? Он знал, что на него нападут?

Тут Дмитрий вспомнил про камеры и стремительно обернулся. Вдруг именно сейчас за ним наблюдает враг?..

Глава седьмая, в которой внимательность помогает Дмитрию

– Не бойтесь вскую, – поняла его опасения Катя. – Тут камеры давно отключены. Только в двух других отсеках работают. – Это вроде как комната для одиночества. Не знаю, зачем вашего Арсения сюда сунули. Может, на живца брата моего ловили. Только Петька збыть не Мстислава не хотел, ни твою парня. Вот и зря надежу питали.

Дмитрий понял, что упускает что-то важное. Сосредоточился на Мстиславе и его убийце, но что, если Арсений попался не ему?

– А из-за чего умер Мстислав? – спросил он и тотчас пожалел. К чему ему описание кровоизлияний или других неаппетитных подробностей? Даже если Катя их знает. Он и сам читал то, что написали следователь и судмедэксперт.

Отвратительное описание, полная дикость. И столько крови! Кажется, за своими неинвазивными операциями и симулякрами люди стали забывать, сколько в них крови. Дмитрий так точно крепко забыл, и фотографии его шокировали.

Но девочка только нахмурилась.

– Из-за Ульяновки, из-за кого еще, – фыркнула. – То же мне паца. Самая обыкновенная из всех обыкновенных елей! Вы-

пендрежница!

И Дмитрий вдруг понял. Вот только то, что он понял, не касалось ни умершего Мстислава, ни неизвестной Ульянки. Он понял, к чему начал разговор с Феоктистой Валерьевной с дурацких ботулотоксинов.

И он поспешно поднялся на ноги. Сколько у него есть времени? Сейчас еще придут одиннадцатиклассники. Взрослые, но совсем еще дети. И эта Катя. Она была самым слабым звеном.

– Катя, тебе когда-нибудь хотелось проверить, как работают школьные аварийные системы? – Дмитрий надеялся, что ему удалось заговорщически подмигнуть, а не нервно подергать веком. Впрочем, Кате хватило.

– Еще бы, – глаза ее загорелись, но тут же тут снова потускнели. – Но за это и из школы выгнать могут. Переведут к нормалам. Бр-р-р!

– Под мою ответственность, – и Дмитрий небрежно махнул карточкой сотрудника Заслона. Внутри он весь дрожал. Но не от того, что боялся ошибиться, нет!

Куда сильнее он боялся оказаться правым.

– О, – Катя повернула к нему наладонник и нажала запись. – Повторите, пожалуйста.

Пришлось тратить драгоценные секунды. Но он повторил, и Катя наконец исчезла за мягко засветившейся дверью. Теперь нужно было лишь потянуть время, и для этого Дмитрий уверенно прошел к соседнему отсеку. Там, как он и предпо-

лагал, все было точно такое же как в первой палате, за одним исключением – койка была занята девушкой.

В первое мгновение Дмитрий подумал, что она мертва, так бездвижно она лежала, такое бледное восковое лицо у нее было. Потом он решил, что она пошла дальше прочих в стремлении быть деревом, и сейчас пытается находиться в состоянии покоя.

Но едва он подошел ближе, как понял, что ошибался. Девушка была жива и испытывала совершенно несвойственные для дерева чувства. Девушка была в депрессии.

Дмитрий сам может и не понял бы это, но привычка никогда не отключать психолога помогла ему и сейчас. В ухе немедленно раздался точный диагноз, симптомы, предположение, что об этом нужно сообщить в центр психологии человека, ведь болезнь стала большой редкостью, и совет посмотреть карту пациентки.

«Карта Арсения! – запоздало сообразил Дмитрий. – И карта Мстислава! А не только описание его жутких повреждений».

Но сейчас было не до сожалений.

– Ульяна? – как можно мягче спросил он. – Как ты себя чувствуешь?

Девушка не ответила, но Дмитрий и не ждал этого.

– Тебе он нравился, да? – наугад спросил он.

Он не уточнил, кто он. Он вообще ткнул пальцем в небо, но на удивление попал.

– Нравится? – вяло произнесла девушка слегка хрипловатым голосом – такой бывает, если долго ни с кем не говоришь. – Вы все не понимаете. Я любила его. И потеряла. Я в этом виновата!

– Ну ведь не ты же его убила, – Дмитрий подошел ближе. Как-то слишком просто, разве нет? Сейчас Ульяна признается в убийстве, отряд доедет... Лишь бы Арсений оказался жив. Но почему-то Дмитрий верил в это. Он и сам не знал почему.

– Я, – Ульяна залилась слезами. – Во всем виновата я одна!

Дмитрий надеялся, что в последующей схватке наладонник не пострадает, и он предоставит доказательства. Но тут дверь мягко засветилась.

Убийца девушка или нет, а первой реакцией Дмитрия было прикрыть ее.

– Что вы здесь делаете? – улыбка Феоктисты Валерьевны почти не изменилась. – Одиннадцатиклассники со своим куратором ждут вас в соседней палате.

– Не хочу встречаться с людьми на месте преступления, – ответил Дмитрий, настороженно следя за каждым шагом медички.

– Место преступления? – голос Феоктисты Валерьевны сделался удивленным. – Мальчик умер не там.

Короткое, но в то же время нестерпимо длинное мгновение Дмитрий думал, что все кончено, а медичка говорит про

Арсения, но тут Ульяна за его спиной снова зашлась в рыданиях, и Дмитрий выдохнул.

– Погиб он, может, и не там, да только орудие убийства взято в той комнате без камер, – заявил он громко.

– Все может быть, – медичка отступила ближе к двери и та, засветившись, открылась. – Пойдемте, или я пойду туда без вас.

Дмитрий замер как в момент внесения изменений в код. Что делать? Угроза была кристально ясной. Она окажется без камер в палате, полной ничего не подозревающих школьников.

– Вы выдали себя, – крикнул он, надеясь оттянуть опасный момент. – Ваше лицо!

– Мое лицо? – удивленно повторила медичка и впрямь остановившись у приоткрытой двери.

– Именно! – Дмитрий уже мысленно выругался всеми известными ему ругательствами на нескольких языках и в данный момент изобретал новые. Да где же все?! – Вы не кибер, хотя успешно косите под него. Левая половина вашего лица оцепенела от нейротоксина, а вы даже не заметили. Значит, боли не было, когда...

Он сглотнул. Язык просто присох к небу, но Дмитрий упрямо продолжил:

– Боли не было, когда Арсений ударил вас. Возможно, удар вас вывел из равновесия, но боли вы не почувствовали...

С той же улыбкой – а улыбка была присуща всем совре-

менным роботам, псевдо-медицка рванулась в дверь, а Дмитрий бросился следом, прекрасно понимая, что не успеет, и пострадают дети.

Громкий стук был ответом на его опасения, а еще сирена. Катя, похоже, наконец добралась до пульта.

Все пришло в движение. Державшийся за распахнутую дверь, Дмитрий оставался на месте, а вот вскочившая и бросившаяся за ним следом Ульяна налетела на него, отчего едва не упали они оба. Робот лежала ничком poste столкновения со стулом. Стул был в руках самого щуплого из высоких крупных парней. Почему-то Дмитрий сразу понял, что это Петя Селезнев, брат Кати.

Петя стоял, широко расставив ноги, чтобы не упасть. Его друзья и куратор держались за что попало. А здание продолжало мягко потрясывать, и из углублений вырывались капсулы наподобие лифтов, тотчас открывая двери.

Аварийные входы в убежище. После десятилетий опасности ядерной войны, все школы по пятому и шестому параграфам законов о защите детей были оснащены убежищем и быстрым доступом в него через мобильные механические лифты, не зависящие от электричества. На случай же попадания в эти лифты опасного инородного существа или агрессора, капсула запечатывалась и не открывалась в убежище. То же происходило, если человек в ней находился без сознания. Его жизненные показатели поддерживались лифтом в стабильном состоянии автономно, пока не находился тот, кто

решит, открывать капсулу или нет.

Сейчас такие капсулы открывались по всему зданию, где тепловизоры ощущали присутствие живого. Даже киберы подходили под понятия живого, ведь в самом пиковом случае у них все равно оставался живой человеческий мозг. Но чаще всего всё было куда проще, и киберы были оснащены недостающими конечностями, искусственными почками, гортанью или экзоскелетами, в остальном оставаясь людьми.

Дмитрий на мгновение замер, представляя, сколько сейчас таких капсул открылось в жилом отсеке. Сколько мелких адаптивных детишек, этих зеленых росточков запаниковало и бросилось в капсулы. А другие запаниковали и бросились от них. В общем, разбираться придется потом долго, как и выживать детей из Убежища. Но это будет потом.

Его сейчас не интересовало то, что происходит в других помещениях, он уставился на капсулы, вынырнувшие в палате. Палата не была рассчитана на такое количество людей, поэтому и «лифтов» было всего два. И оба были уже заняты.

В одном Дмитрий с облегчением увидел небольшую фигурку Арсения, а в другой – Дмитрию захотелось ущипнуть себя, была Феоктиста Валерьевна. С таким же измененным лицом, металлической правой рукой и экзоскелетом, но без следа ожога стрекательными клетками.

Громкий звук заставил Дмитрия дернуться и едва не свалиться на все еще прячущуюся за его плечом Ульяну.

– Извините, – глаза у Селезнева были кристально чистые

и ясные, точно у его сестры. – Это нервное.

Дмитрий обнаружил, откуда был грохот – это стул повторно опустился на голову роботу. Помогло это или нет, шевелился робот, или Петя ударил превентивно – разбираться было некогда. Дмитрий хотел скорее достать Арсения из капсулы и убедиться, что друг в порядке, не ушел на перезагрузку, об опасности которой не раз предупреждал. Вот только делать это без медработника он опасался, и теперь не знал, как поступить. Вызывать кого-то снова, попытаться разбудить медработника в капсуле или всё-таки не забывать, что делать без медработника это нельзя?

Двери зашипели, открываясь от насильственного внешнего воздействия, и Дмитрий выдохнул. Наконец-то. Группа быстрого реагирования среагировала.

Правда, ругаться он не стал, вспоминая, что вызвать ее вызвал, но маячок включить забыл, а вместо этого Катя включила аварийный отход, что закрыло все входы и выходы. Отряд пробивался с боем против усиленного контура школы, и справились лишь потому, что сигнал шел от ребенка. Якобы ребенка.

Впрочем, тут совесть у Дмитрия была чиста – пострадать могли и дети. Да и отряд в общем был не в обиде – проверить себя в реальных условиях им хотелось, пожалуй, не меньше, чем Селезневой – включить аварийный контур.

Прибывшие медики осторожно вытащили пострадавших, пока специалист из Заслона широкого профиля отключал

робота. Все осложнялось тем, что робот был создан на неизвестном им заводе и доработан вручную. Поди пойми, как его отключить!

Дмитрий этим не интересовался, совсем не его специализация. Он не отходил от капсулы с Арсением, а когда Арсения достали и сменили капельницу – рядом с его койкой. Рядом словно мышка сидела и Ульяна. Дмитрий ее не гнал. Пусть она и призналась, а всё-таки держать подозреваемую при себе как-то спокойнее.

Наконец, Арсений открыл глаза.

Дмитрий оттолкнул склонившегося было над другом врача – успеет он еще посветить фонариком в глаза!

– Арс, ты как? – шепотом, словно мог напугать, спросил Дмитрий.

Арсений озадаченно моргнул.

– А вы кто? – ответил он хрипло.

Глава восьмая, в которой самое главное внутри

Дмитрию показалось, что школа снова покачнулась. Только целиком.

В ушах зашумело, перед глазами поплыли круги.

– Как же я соскучился по этой растерянной роже, – рассмеялся Арсений и откинулся на подушку. Он зашипел сквозь зубы, коснувшись шишкой стены, но всё равно улыбался. – Шучу, Димка! Всё нормально! Защита сработала!

И он постучал себя по лбу. Раздался металлический звук.

– Ты!.. – Дмитрий задохнулся и, казалось, просто сам позабыл, как дышать. Но длилось это лишь мгновение. – Ты все помнишь!

– Ага, – если Арсений и расстроился от того, что Дмитрий не стал на него орать и бросаться с кулаками, то никак не подал виду.

– Ты меня пугал, что перезагрузишься в ноль, – Дмитрий наконец выдохнул и сумел отодвинуться, чтобы пропустить врача с его фонариком. Хотя и без того было понятно, что все нормально с зрачками.

Арсений криво улыбнулся и развел руками.

– Я не знал, чего ждать. Новую защиту моего мозга под ключ создали и вживили пять лет назад. Помнишь, у меня

была командировка в филиал Заслона в центре, якобы для обмена опытом? В некотором роде я не соврал. Мы и правда обменивались опытом. Правда, по вопросам моего организма.

Он помолчал. Врач проверил его показатель, взял кровь на экспресс-анализ и наконец кивнул – можно вставать. Дмитрий торопливо подставил плечо, запоздало сообразив, что их рост сильно отличается. И поддерживать Арсения ему придется, согнувшись в три погибели.

А Арсений словно и не заметил ничего. Оперся и осторожно спустил ноги с койки.

– И за эти пять лет я так и не узнал, сработает это или нет, – тихо произнес он. Вокруг что-то лязгало, шумели школьники. Кажется, Селезнев записывал видео для соцсети того, как он победил робота-убийцу, ну точно самые обычные нормалы!

А Дмитрию казалось, что вокруг шумит лес. И не только адаптивные дети. Лесом были все, кроме его друга, который мог погибнуть. Дмитрий еще никогда не терял близких людей и надеялся, что это не случится еще очень долго.

– Но сработало! – Арсений хлопнул себя по лбу и нервно хихикнул. А потом и вовсе расхохотался. И до того заразительным был его смех, что Дмитрий рассмеялся тоже.

Так что инъекцию успокоительного вкололи им обоим.

– Я ведь дело раскрыл, – похвастался Дмитрий и испуганно оглянулся. Но Ульяна все еще была рядом. Словно боя-

лась вернуться в ту палату, где лежала как неживая, а о том, чтобы сбежать, даже не думала.

– Да? – Арсений устало потер лицо. Судя по тому, что делал он это без перчаток, стрекательные клетки атрофировались, а новые не появились. Еще одна хорошая новость. – Не удивительно, на самом деле. Это же ты постоянно висишь на психологе.

Обычно Дмитрий обижался на такие высказывания. Ментальное здоровье тоже имело значение, и Арсению бы не помешал свой психолог в ухе! Или хотя бы ходить иногда в тир. Тир раньше заменял Дмитрию психолога.

Но сейчас он просто не понял, к чему это было сказано. При чем тут психолог?

– Вот! – он ткнул пальцем в Ульяну и шепотом произнес. – Это она убила Мстислава.

– А почему шепотом? – прошептал в ответ Арсений. Думал Дмитрий недолго.

– Потому что ее это расстраивает, – прошептал он и взглянул на Ульяну. Не услышала ли?

– Нет, – шепотом ответил Арсений. – Потому что на самом деле никто его не убивал.

Если бы лже-Феоктиста Валерьевна сейчас поднялась с пола и из глаз лазером прожгла стену, Дмитрий и то был бы меньше ошарашен.

– Так он жив? – упавшим голосом произнес он.

Арсений отрицательно качнул головой и снова потер ли-

цо.

– Я неправильно выразился, – признался он. – Его никто не убивал, но в его смерти виноваты многие. Это самоубийство, Дим.

Дмитрий пошатнулся. Он слышал, что когда-то такая мерзость была. Люди сами своими руками уничтожали свое будущее, себя самого и тем самым уничтожали и тех, кто был рядом. Паззл сложился.

Не Ульяна убила Мстислава. А Мстислав едва не убил Ульяну. Своим внезапным уходом. Что-то случилось между ними, или дело было в других школьниках, но он не дал всё исправить. И теперь это навсегда останется с ними.

– А... а зачем нас тогда позвали? – Дмитрий помотал головой, отгоняя липкие словно осенние мухи, что иногда залетали под купол незадолго до холодов, мысли. О том, что вот столько крови из разрезанных запястий, порванных неаккуратным лезвием сосудов – все это человек сам.

Наверное, он заглушал какую-то боль. Но вместо этого заглушил себя, и больше никто его не услышит. Его и его боль.

Дмитрий дернул себя за мочку. Сейчас ему как никогда сильно нужно было услышать психолога.

Арсений же снова криво усмехнулся.

– Нас никто не собирался звать, – признался он. – Мы профаны, а следователь разобрался сразу, что никто никого не убивал. Правда, состава преступления он не нашел. А оно есть.

Дмитрий присел в кресло. Арсений рухнул в соседнее. Ульяна неловко топталась рядом, отчаянно стесняясь подслушивать, и все же надеясь на это.

А Арсений начал рассказывать. Потихоньку подтянулись другие. Куратор одиннадцатого класса, обе Селезневы, другие ребята. Врач, нервно щелкавший фонариком. Вернулись забравшие с собой робота бойцы отряда быстрого реагирования.

Ни Арсений, ни Дмитрий не замечали этого.

Началось всё с Феоктисты Валерьевны. Именно кибер-медик первая заметила, что дети-деревья слишком жесточно делятся на группы, слишком непримиримо относятся к тем, кто «не похож». И пускай непохожесть эта лишь в карточке, и внешне береза не отличит среди одноклассников другую березу от дуба или от ели. Сущность людей в том, чтобы везде находить своих и чужих, у адаптивных школьников расцвета так буйно, как не было уже много десятилетий.

Удивительное дело, чем высокоорганизованнее становились люди, тем больше откатывались назад в том, что было в их головах. Дело в растительной составляющей, или же наоборот, в человеческой, еще только предстояло узнать. Все мы немного люди или все мы немного трава? Арсений не знал ответа на этот вопрос, не знала его и Феоктиста Валерьевна. Однако недрогнувшей псевдо-рукой она написала «буллинг» и отправила запрос о поддержке школы.

На беду всех участников событий и Мстислава в первую очередь, это сообщение попало к конкурентам их НИИ. Логика их дальнейшего плана не выдерживала никакой критики, но при этом план сработал.

– Хотели выманить тебя! – Дмитрий нечаянно крикнул это слишком громко и огляделся. Но все слушали внимательно, никто не смеялся.

– Увы, – Арсений пожал плечами с деланным равнодушием. – Феоктисту подменили роботом, благо отключать камеры в медоотсеке было идеей родительского комитета – для конфиденциальности. И уже лже-медик отправила информацию нам. И мы, разумеется, бросились на помощь. Смелые сыщики с образованием программистов и биологов.

Дмитрий пристыженно опустил голову, но Арсений иронизировал и над собой тоже.

– Подождите, но как же... Почему Мстислав... – Ульяна закрыла рот ладонью и сильно смутилась. Сильно выросшие за время лежания в медотсеке лишайники в ее волосах облепили покрасневшее лицо.

– Увы, – Арсений посерьезнел. На его лице двенадцатилетнего такое выражение взрослого человека смотрелось донельзя потешно, но никто не улыбнулся. Даже Катя Селезнева. – Мстислав был приманкой. Жертва буллинга одноклассников, неуверенный в своей первой любви, не сумевший найти себя среди елей, не принятый березами, *человек...*

Арсений перевел дыхание, словно последние силы ушли на то, чтобы выделить это «человек», и отпил воды из протянутого врачом стаканчика.

– Человек сломался, – закончил Арсений. – Для работа под видом медика было делом времени оставить лезвия не закрытыми так, чтобы Мстислав видел. Возможно, она еще что-то ему говорила. Это дело уже разматывать не нам. Потому что дело не в том, что говорила ему эта железная кукла. А в том, что ему не сказали другие.

Дмитрий ждал продолжения, каких-то важных слов, которыми одноклассники могли спасти Мстислава, но Арсений молчал.

Молчали и все остальные, словно в голове у каждого эти заветные слова появились. Жаль, что поздно для Мстислава. Но, может, не поздно для кого-то другого.

«Люди бывают разные, – неожиданно отмер в ухе Дмитрия замолчавший было психолог. – Им свойственно искать различия и сходства в социуме. И от той прослойки социума, которая устанавливает правила, зависит, что они будут искать в первую очередь. Что-то общее, или что-то различное».

– Всё-таки ждем восстания машин? – спросил Петя Селезнев. Кажется, он первый пришел в себя. Или это напускное? Дмитрий не знал.

– Видимо, – Дмитрий оглянулся на товарища. Арсений выглядел не слишком хорошо, пора было возвращаться в

НИИ. И побыстрее. – Или подождем следующий шаг наших конкурентов. Возможно, их механизмы сначала восстанут против них.

Одиннадцатиклассники переглянулись. Селезнев машинально задвинул за спину сестру. Ульяна пододвинулась к настоящей Феоктисте Валерьевне.

Кажется, людям нужен общий враг, чтобы быть вместе. Дмитрий подумал, что было бы неплохо найти ген, который изменит это. Пожалуй, он им нужнее, чем ген бессмертия.